

ИСПОВЕДАЛЬНЫЕ ДИСКУРСЫ В РОМАНАХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ» И Б.Л. ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО»

Исповедальные высказывания героев в «Братьях Карамазовых» и «Докторе Живаго» рассматриваются как компоненты житийного жанра в мультижанровом целом романов. Исследуется отличие идейных откровений рациональных героев от откровений души, принадлежащих героям иррационального склада. Подчеркнута кульминационная роль этих речевых фрагментов в сюжетных линиях героев, а также их значимость как способа выражения авторского сознания в рамках субъектной формы выражения авторского сознания.

Ключевые слова: мультижанровая природа, житийный жанр, исповедальный тип высказывания, обращенные монологи, рациональность, иррациональность, уединенное сознание.

Мультижанровая природа романов «Братья Карамазовы» и «Доктор Живаго» отражает стремление писателей найти стратегические способы для воплощения сложной концепции действительности. «Переплавленные» жанровые структуры как формы выражения авторского сознания у Ф.М. Достоевского и Б.Л. Пастернака приобретают особую динамичность и экспрессивность. Один из заметных аспектов, сближающих названные романы Ф.М. Достоевского и Б.Л. Пастернака, связан с ориентированностью повествований на житийный сюжет, для которого характерно наличие авторской наставнической, проповеднической интенции, как правило, реализуемой в двух традиционно различных формах – исповеди и проповеди. В «Братьях Карамазовых» и «Докторе Живаго» исповедальные/проповеднические типы высказываний являются кульминационными точками в сюжетных линиях отдельных героев. В совокупности эти высказывания, принадлежащие разным героям, составляют отдельный пласт романов, важность которого для сюжетной организации определяется их жанровой определенностью, конкретностью – исповедь/проповедь, которые также не остаются без изменений в творческих лабораториях Ф.М. Достоевского и Б.Л. Пастернака. Исповедальные и проповеднические «модели», подвергаясь трансформации, выступают в новом «обличии»: образуют «причудливые сплетения» [6, с. 100] и соответственно утрачивают изначальную автономность.

Исповеди или речи исповедального характера в «Братьях Карамазовых» и «Докторе Живаго» произносят и главные, и второстепенные герои (Дмитрий Карамазов, Великий Инквизитор, Иван Карамазов, таинственный посетитель (из жизнеописания старца), Антипов-Стрельников, Лара (рассказ о муже), Танька Безочередева, Вася Брыкин, Памфил Палых). Повествование по преимуществу ведется от первого лица, что свидетельствует об активизации хронотопов сознаний героев. В этих сюжетных частях раскрываются сокровенные глубины внутреннего мира личности. В Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля отмечается одно из значений испо-

* © Бондарчук Е.М., 2014

Бондарчук Елена Михайловна (elena_bondarchuk@mail.ru), кафедра социальных систем и права, Самарский государственный аэрокосмический университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

веди: «Искреннее и полное сознание, объяснение убеждений своих, помыслов и дел» [1]. Размыкание границ уединенного сознания представляет собой серьезный акт — выход к миру, готовность произнести «слово о себе», раскрыть свою правду, чтобы прийти к истине. Исповедь в художественной литературе выступает как своеобразный акт публичного покаяния с дидактическим оттенком (Ж.Ж. Руссо, Н.В. Гоголь, Л.Н. Толстой) и как средство морального самоутверждения личности. В романах «Братья Карамазовы» и «Доктор Живаго» актуализируется ее первоначальное значение как одного из семи христианских таинств (наряду с крещением, причащением, священством, миропомазанием, браком, елеосвящением).

Исповедальное действие «обнажает» внутренний мир, происходит отбрасывание масок, которые создавали иллюзию чего-либо или скрывали в герое нечто, что он не желал бы афишировать. Монолог исчерпывает героя ментально и эмоционально. Открывшись, он освобождается от внутренней тайны и обретает возможность иного движения в системе собственных внутренних и онтологических смыслов. Исповедальность (открытость) противопоставляется замаскированности речевых действий. Первое существует в исключительных случаях, редко по своей природе, требует времени и соответствующей обстановки для предъявления субъективной истины во всей ее полноте. Второе — обычная форма речевого взаимодействия, когда субъективная истина камуфлируется, прячется от стороннего взгляда, слуха не только по личным причинам, но и в силу того, что нужность истины (откровения) в мире, где действуют маски, находится под вопросом.

В романах Ф.М. Достоевского и Б.Л. Пастернака исповеди произносят герои рационального и иррационального склада. Объединяет их «пороговость» внутренней ситуации, которая настоятельно требует манифестации. Предъявление внутреннего (ментального или эмоционального) содержания внешнему миру рассматривается как несение субъективной и объективной истин.

О.С. Сухих, исследуя исповедальные фрагменты романов «Братья Карамазовы» и «Доктор Живаго», справедливо отмечает невозможность их однозначной квалификации вследствие сложности структуры высказываний героев. Исповеди героев рационального склада Ивана Карамазова, Павла Антипова-Стрельникова облечены в диалогическую форму: герои обмениваются репликами со своими слушателями, но диалоговая форма оказывается монологом по содержанию. А «Легенда о великом инквизиторе», по мнению исследователя, «формально представляет собой внутренне диалогичный монолог: пленник молчит, но его позицию, по сути, выражает сам инквизитор, который так горячо спорит с ним» [5, с. 351]. Уточним высказанную мысль: в литературоведении диалоги, подобные тем, которые ведут Инквизитор и Пленник, Иван и Алеша, Стрельников и Живаго, относятся к типу *обращенных монологов*. Их отличает продуманность, необязательность быстрой речевой реакции другого участника и даже заведомое включение гипотетических реплик-возражений и подготовка ответов на них. [В.Е. Хализев] Великий инквизитор предупреждает возможную реплику Пленника: «Не отвечай, молчи. Да и что бы ты мог сказать? Я слишком знаю, что ты скажешь» [2, с. 287]. В «Докторе Живаго» Стрельников не обращает внимания на слова Живаго, когда тот вступает в разговор: «Может быть, он даже не расслышал, что собеседник прервал его монолог собственной вставкой» [4, с. 439]. Продолжительность и объемность речи адресанта создает *иллюзию незначимости слушателя* (адресата речи). Более того, личность, к которой обращается Великий инквизитор, точно не определена, существует в нескольких вариациях: Пленник/Христос/«подобие его»/фантом разгоряченного сознания самого кардинала. Желание высказать все то, что долго вынашивалось, оказывается настолько сильным, что ситуация исповеди оказывается предопределенной. В сходной ситуации оказывается Стрельников в Варыкино: он «говорил без умолку», «не мог наговориться» [4, с. 438].

Однако в действительности статус адресата важен: тот, кому адресована речь, является авторским «представителем». Конгениальность автору выступает необходимым условием выхода к миру того, кто исповедуется, в противном случае, без должного восприятия и резонанса, исповедь состояться не может.

О.С. Сухих считает, что у Ф.М. Достоевского исповедь представляет собой по форме – монолог, а по сути – диалог, у Б.Л. Пастернака ситуация обратная. Но и в том, и в другом случае «исповедующийся» герой сосредоточен на собственных мыслях и переживаниях» [5, с. 352].

С нашей точки зрения, в этих условных диалогах или обращенных монологах нет внутренней диалогичности. Герои (Иван Карамазов, Великий инквизитор, Стрельников) – личности монологического склада. «Чужая» точка зрения в данном случае (герой заранее знает реплики оппонента) является мнимой и представляет собой инвариант высказываемой точки зрения либо выступает как формальная (риторическая) антитеза. Ее наличие не расширяет сферы сознания героя, не делает его собственно диалогичным (многополярным), поскольку действие осуществляется сугубо рациональным путем, не затрагивающим область чувств. Мысль берется, но не принимается.

Исповеди Ивана Карамазова, Великого инквизитора представляют собой ментальные откровения, выношенные идеи. Рациональный подход к жизни Ивана обозначен первой фразой исповеди: «Я тебе должен сделать одно признание, – начал Иван, – я никогда не мог понять, как можно любить своих ближних» [2, с. 272]. Фраза отражает внутреннее противоречие героя: он использует интеллектуальный инструментарий в сфере чувств. Рационализм искажает восприятие: сакральная глубина чувства воспринимается им как «надрыв лжи» (история про «Иоанна Милостивого»). Иван – не только один из героев-идеологов в романе, но и «самый выразительный», хотя бы потому, что его идеи получили воплощение в статьях. «Исповедь Ивана, как неоднократно отмечалось, является проповедью в форме исповеди, сознательным навязыванием своей мысли. Причем Иван пользуется не просто болезненными, но подчас жестокими (в том числе и по отношению к себе) методами» [7, с. 46, с. 21].

Искаженный рационализмом «надрыв» наблюдает Живаго в Стрельникове, который «был одержим <...> сходным припадком саморазоблачения, всего себя переоценивал, всему подводил итог, все видел в жаровом, изуродованном, бредовом извращении» [4, с. 438].

Система аргументации Ивана построена по принципу *крещендо* в развитии идеи страдания, беспредельной власти, насилия, несвободы и состоит из двух частей. Первая (глава «Бунт») включает семь примеров-историй: о злодее-убийце, сидящем в остроге и подружившемся с мальчиком, о зверствах турок, об убийце Ришаре, о сечении лошадей по глазам, об издевательствах родителей над дочерью семи лет, о родителях, ненавидящих свою пятилетнюю дочь, о мальчике, затравленном собаками генерала. Истории об ужасах насилия взяты Иваном из реального времени и приводятся как факты, доказывающие абсурдность бытия, и как неприемлемое для него основание будущей гармонии жизни. Иван предстает как сильная личность, чьи доводы выглядят очень убедительными. Истории в его исповеди являются логически подобранными фактами, назначение которых – подтвердить идею, лежащую в основе рассуждений. Высказывания героя раскрывают архитектуру его мощного интеллекта. Его «эвклидов разум» – оружие обвинения, а не покаяния. Вторая часть – «Великий инквизитор» – художественное произведение, события которого относятся условно к XVI столетию, но представляют библейские времена. Поэма удваивает повествовательную перспективу: разговор выходит на уровень философских, онтологических обобщений, которые меняют масштаб обсуждаемых идей Ивана и раскрывают их в глубоко продуманном, системном, завершенном варианте.

Исповедь Павла Стрельникова внешне беспорядочна, лишена последовательности и методичности, что не исключает строгости построения фразы и чеканности мысли. Однако в его случае наблюдается феномен замаскированной речи: в разнообразных душевных излияниях (о себе, о жене, о России, о революции) скрывается ядро «тяготившей» его, важной тайны, которую герой оставляет внутри себя и не намерен раскрывать. Исповедь Стрельникова является и его последним словом накануне смерти, которая в отношении его личности ошибочно и обманно объявлялась дважды (сообщения Галиуллиной, Комаровского), но к которой он приходит сам — через самоубийство.

Оба героя — Иван Карамазов, Павел Стрельников стремятся не к покаянию, а к утверждению собственной правоты при нарастающем внутреннем понимании обратного. Это хорошо чувствуют Алеша Карамазов, Юрий Живаго, воспринимая речи своих оппонентов из другого пространства. Им очевидны уязвимость позиции говорящих, невозможность подойти с логическим инструментарием к решению вопросов веры, Бога, справедливости, любви. Рационализм исключает необычное, чудесное, лишает действительность глубины и тайны, ограничивает происходящее цепью причин и следствий, ставит предел движению свободной мысли. Его узости Ф.М. Достоевский и Б.Л. Пастернак противопоставляют интуитивное начало, сферу чувств, которые заключают в себе бесконечную тайну.

Одна из реплик исповеди Ивана откликается в романе «Доктор Живаго», в эпизоде, где даны размышления мальчика Миши Гордона, который мучительно решает вопрос о национальной принадлежности. Иван провозглашает: «Я клоп и признаю со всем принижением, что ничего не могу понять, *для чего* все так устроено. ... если все должны страдать, чтобы страданием купить вечную гармонию, то при чем тут дети... Совсем непонятно, *для чего* должны были страдать и они, и зачем им покупать страданиями гармонию? *Для чего* они-то тоже попали в материал и унавозили собою для кого-то будущую гармонию?» [2, с. 280–281] Фигура уменьшения (литота) в этом контексте подчеркивает невероятную гордыню героя. Ряд анафорических вопрошаний носит, скорее, риторический характер, поскольку Иван не способен воспринять объяснение, которое выходит за рамки сугубо рационального подхода. Вопросы Миши Гордона к родителям остаются без должного ответа: «Он не мог понять положения, при котором, если ты хуже других, ты не можешь приложить усилий, чтобы исправиться и стать лучше. Что значит быть евреем? *Для чего* это существует? Чем вознаграждается или оправдывается этот безоружный вызов, ничего не приносящий, кроме горя?...» [4, с. 15].

В одном случае вопрошает взрослый, в другом случае — дитя. Решая разные проблемы, оба отрицают ситуации как нелепые, неразумные, не подчиняющиеся здравому смыслу, нелогичные. Миша Гордон стоит в начале того пути, который проделал Иван. «И делая исключение для отца и матери, Миша постепенно преисполнился презрением к взрослым, заварившим кашу, которой они не в силах расхлебать. Он был уверен, что когда вырастет, он все это распутает» [4, с. 15].

Исповеди героев иррационального плана в романах по форме и содержанию различны. Череда откровений Дмитрия Карамазова является ярким, динамичным, экстаичным излиянием чувств, которое наиболее приближено к канонической форме исповеди. Здесь есть главная цель — стремление к душевному облегчению, но отсутствует такой важный компонент, как желание получить отпущение грехов. Рассказ в этом случае является самоанализом, возможностью объяснить себя самому себе, другим, миру. Повествование при этом поднимается на иной, эмпирико-психологический уровень, где поступки воспроизводятся через толкование причин, их породивших [7, с. 21]. Иррациональность героя подчеркивает первая фраза: «— Леша, — сказал Митя, — ты один не засмеешься! Я хотел бы начать... мою исповедь... гимном к радости Шиллера» [2, с. 124]. Откровения героя совмещают поэтические высоты (восторжен-

ное состояние, восхваление природы, цитирование стихов) и бездны самоуничтожения («Я, брат, это самое насекомое и есть», «разве я не клоп, не злое насекомое?», «из мерзостей, с поля, загаженного мухами, перейдем на мою трагедию, тоже на поле, загаженное мухами, то есть всякою низостью» [2, с. 128]. Дмитрий признает свою двойственность, то, что он одновременно «идет за чертом» и любит Бога, признается в своем сластолюбии, «широкости», включающей «идеал Мадонны» и «идеал содомский», красоту и падение в бездну, он цитирует Шиллера и мечтает о том, чтобы падший человек поднялся из низости, заключив союз с матерью-землей (любимая идея Достоевского).

В его исповеди истории (анекдоты) являются частью его собственной биографии (о соблазненной дочке чиновника, о четырех с половиной тысячах рублей, которое одолжил через Катерину Ивановну ее отцу, о неожиданном повороте в отношениях с Грушенькой). Значимость такого рода «рассказов» подчеркивал А.Ф. Лосев в «Диалектике мифа», комментируя реплику Федора Карамазова о том, как из-за шутки Миусова он утерял веру в Бога: «Действительно, только очень абстрактное представление об анекдоте или вообще о человеческом высказывании может приводить к выводу, что это просто слова и слова. Это – часто кошмарные слова, а действие их вполне мифично и магично» [3]. В отличие от Ивана, Дмитрий – участник событий, о которых он повествует, он включен в поток, где действует хаотично, противоречиво, контрастно. Его речь отражает его безудержную натуру, в которой внутренние силы выталкивают героя из берегов. Не случайно откровения «горячего сердца» происходят в саду, в открытом пространстве, которое физически и эмоционально необходимо Дмитрию, который плохо уместается в ограничения. Исповедь Ивана Алеша слушает в трактире «Столичный город», что косвенно намекает на амбиции старшего брата.

Исповедь Дмитрия содержит пророчества о судьбах: своей собственной, Ивана, Алеша. («Вторая же половина [судьбы Дмитрия. – Е. Б.] есть трагедия, и произойдет она здесь. ...но судьба свершится ... недостойный скроется в переулок навеки – в грязный свой переулок, в возлюбленный и свойственный ему переулок, и там, в грязи и вони, погибнет добровольно и с наслаждением. ... так, как я определил, так тому и быть. Потону в переулке, а она выйдет за Ивана» [2, с. 135, 137]. «Эта шельма Грушенька знаток в человеках, она мне говорила однажды, что она когда-нибудь тебя [Алешу. – Е. Б.] съест» [2, с. 128].

В «Докторе Живаго» исповедь героя иррационального склада представлена лирическим циклом – тетрадью стихов Юрия Андреевича. В отличие от исповеди Дмитрия Карамазова, имеющей эмпирический характер, цикле стихов жизненный путь героя художественно преображается, однако намек на реальные (биографические) события сохраняется. Категории «откровения», «покаяния», «отпущения грехов», перемещенные в пространство поэзии, присутствуют как условно выделяемые этапы общего движения лирического чувства героя. Особую значимость приобретает мотив предвидения/прочтения будущего. Личность поэта оказывается на пересечении (на кресте) общечеловеческих и онтологических смыслов. Прочтение будущего включает три уровня: понимание существующего «распорядка действий», неотвратимости «конца пути» («Гамлет»), обретение смирения и осознание неизбежного возрождения в грядущей «новой истории»: «Я в гроб сойду и в третий день восстану,/ И, как сплавляют по реке плоты,/ ко мне на суд, как баржи каравана,/ столетья поплывут из темноты» («Гефсиманский сад»).

Библиографический список

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Электрон. текстовые дан. on-line. Загл. с титул. экрана. URL: http://v-dal.ru/word_s-36150.html свободный (дата обращения: 28.09.2014).

2. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы: роман. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус. 2012. 896 с.
3. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. Электрон. текстовые дан. on-line. Загл. с титул. экрана. URL: http://philosophy.ru/library/losef/dial_myth.html свободный (дата обращения: 01.09.2014).
4. Пастернак Б. Л. Доктор Живаго: Роман. Куйбышев: Кн. изд-во, 1989. 528 с.
5. Сухих О.С. «Великий инквизитор» в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 1. С. 347–354.
6. Чернышева Т.Л. Воплощение авторской позиции в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Чернышева Татьяна Леонидовна. Новосибирск, 1999. 172 с.
7. Шаулов С.С. Структура романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: диахронический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. / Шаулов Сергей Сергеевич. Уфа, 2004. 198 с.

References

1. Dal' V.I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Retrieved from: http://v-dal.ru/word_s-36150.html free access (accessed: 28.09.2014) [in Russian].
2. Dostoevsky F.M. The Brothers Karamazov: Novel. SPb.: Azbuka, Azbuka–Attikus, 2012, 896 p. [in Russian].
3. Losev A.F. Dialectics of myth. Retrieved from: http://philosophy.ru/library/losef/dial_myth.html free access (accessed 01.09.2014)/ [in Russian]
4. Pasternak B.L. Doctor Zhivago: Novel. Kuibyshev: Kn. izd-vo, 1989, 528 p. [in Russian]
5. Sukhikh O.S. «Grand Inquisitor» in the novel by B.L. Pasternak «Doctor Zhivago». *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod], 2011, no. 1, pp. 347–354 [in Russian].
6. Chernysheva T.L. *Voploshchenie avtorskoi pozitsii v romane F.M. Dostoevskogo «Brat'ia Karamazovy»: dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01* [Implementation of author's position in the novel by F.M. Dostoevsky «The Brothers Karamazov»: Candidate's of Philological Sciences thesis: 10.01.01]. Novosibirsk, 1999, 172 p. [in Russian].
7. Shaulov S.S. *Struktura romana F.M. Dostoevskogo «Brat'ia Karamazovy»: diakhronicheskii aspekt: dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01* [Structure of the novel by F.M. Dostoevsky «The Brothers Karamazov»: diachronic aspect: Candidate's of Philological Sciences thesis: 10.01.01]. Ufa, 2004, 198 p. [in Russian].

*E.M. Bondarchuk**

CONFESSIONAL DISCOURSES IN THE NOVELS OF F.M. DOSTOEVSKY «THE BROTHERS KARAMAZOV» AND B.L. PASTERNAK «DOCTOR ZHIVAGO»

Confessional type statements of characters in «The Brothers Karamazov» and «Doctor Zhivago» are treated as components of hagiographic genre in the multi-genre integrity of novels. The author explores the distinction between the ideal revelations of rational characters and of revelations of the soul, belonging to the heroes of irrational character. Culminating role of these statements in the storyline of heroes and also their significance as an expression of author's consciousness within the framework of subjective expression of author's consciousness is underlined.

Key words: multi-genre nature, hagiographic genre, confessional type of statements, addressed monologues, rationality, irrationality, solitary consciousness.

* *Bondarchuk Elena Mikhailovna* (elena_bondarchuk@mail.ru), Department of Social System and Law, Samara State Aerospace University, Samara, 443086, Russian Federation.